

Уилки Коллинз

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Перевод с английского
М. С. ШАГИНЯН

Иллюстрации
С. В. БАБЮКА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

2019

ПРОЛОГ

ШТУРМ
СЕРИНГАПАТАМА

1799

(Письмо из семейного архива)

I

Я пишу эти строки из Индии к моим родственникам в Англию, чтобы объяснить, почему я отказал в дружеском рукопожатии кузену моему, Джону Гернкастлю. Молчание мое по этому поводу было ложно истолковано членами нашего семейства, доброго мнения которых я не хочу лишиться. Прошу их отложить свои выводы до тех пор, покуда они не прочтут мой рассказ. Даю честное слово, что напишу строгую и безусловную истину.

Тайное разногласие между мной и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба, — штурма Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для того чтобы обстоятельства были вполне понятны, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и к рассказам, ходившим в нашем лагере о драгоценных камнях и грудах золота, хранившихся в серингапатамском дворце.

II

Один из самых невероятных рассказов относится к желтому алмазу — вещи, знаменитой в отечественных летописях Индии.

Стариннейшее из преданий гласит, что камень этот украшал чело четверорукого индийского бога Луны. Отчасти по своему особенному цвету, отчасти из-за легенды — будто камень этот подчиняется влиянию украшаемого им божества и блеск его увеличивается и уменьшается с полнолунием и с ущербом луны — он получил название, под которым и до сих пор известен в Индии, — Лунного камня. Я слышал, что подобное суеверие некогда имело место и в Древней Греции, и в Риме, относясь, однако же, не к алмазу, посвященному божеству (как в Индии), а к полупрозрачному камню низшего разряда, подверженному влиянию луны и точно так же

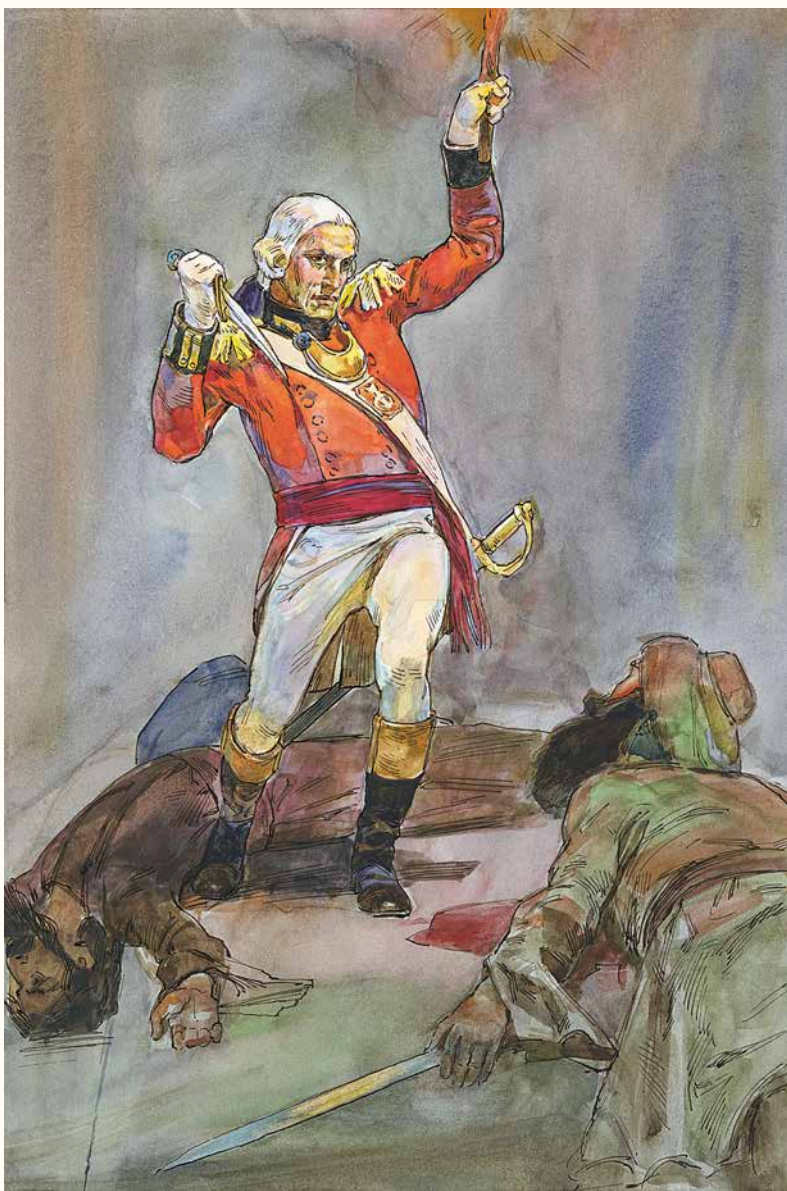
его, когда мы водрузили английское знамя на первом проломе; не видел его, когда мы перешли через ров и, завоевывая каждый шаг, вошли в город. Только в сумерки, когда город был уже наш и генерал Бэрд сам нашел труп Типпу под кучей убитых, я встретился с Гернкастлем.

Мы оба были прикомандированы к отряду, посланному, по приказанию генерала, остановить грабежи и беспорядки, последовавшие за нашей победой. Солдаты предавались страшным бесчинствам, и, что еще хуже, они пробрались в кладовые дворца и разграбили золото и драгоценные камни. Я встретился с моим кузеном на дворе перед кладовыми, куда мы пришли для того, чтобы водворить дисциплину среди наших солдат. Я сразу увидел, что пылкий Гернкастль до крайности возбужден ужасной резней, через которую мы прошли. По моему мнению, он был не способен выполнить свою обязанность.

В кладовых было много смятения и суматохи, но насилия я еще не видел. Солдаты бесславили себя очень весело, если можно так выразиться. Перекидываясь грубыми прибаутками и остротами, они внезапно вспомнили, в лукавой шутке, историю алмаза. Насмешливый крик «А кто нашел Лунный камень?» снова заставил утихший было грабеж вспыхнуть в другом месте. Пока я тщетно старался восстановить порядок, слышался страшный вопль на другом конце двора, и я тотчас побежал туда, опасаясь какого-нибудь нового бесчинства.

Я подошел к открытой двери и наткнулся на тела двух мертвых индусов, лежащие на пороге. (По одежде я узнал в них дворцовых офицеров.)

Раздавшийся снова крик заставил меня поспешить в здание, которое оказалось оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, упал к ногам человека, стоявшего ко мне спиной. Человек этот обернулся в ту минуту, когда я входил, и я увидел Джона Гернкастля с факелом в одной руке и с окровавленным кинжалом в другой. Когда он повернулся ко мне, камень, вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул, как огненная искра. Умиравший индус поднялся на колени, указал на

*Я увидел Джона Гернкастля с факелом в одной руке
и с окровавленным кинжалом в другой*

сказав мне ни слова, что совсем не походило на нее: более вежливую и приличную служанку трудно было найти.

— Какая странная девушка! — сказал мистер Фрэнклин. — Желал бы я знать, что такого удивительного нашла она во мне?

— Я полагаю, сэр, — ответил я, подтрунивая над континентальным воспитанием нашего молодого джентльмена, — ее удивил ваш заграничный лоск.

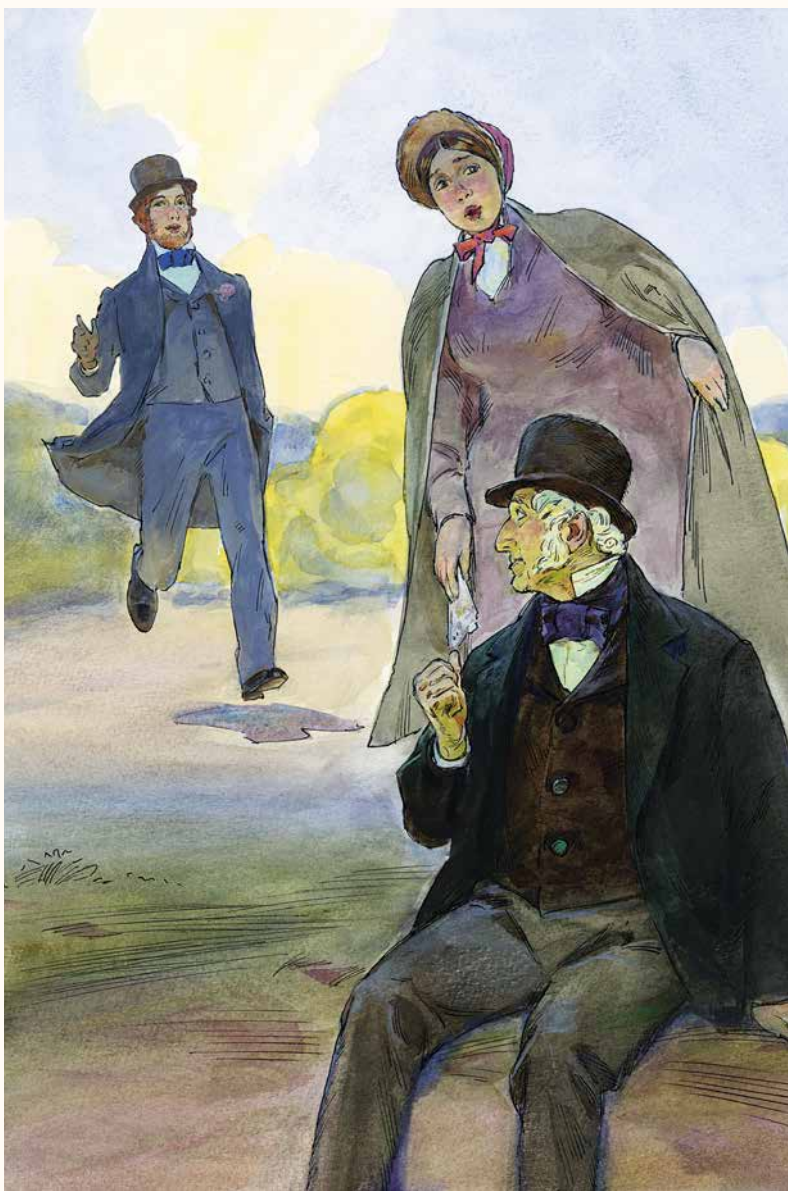
Я привел здесь небрежный вопрос мистера Фрэнклина и мой глупый ответ в утешение и поощрение всем глупым людям, — ибо я заметил, что ограниченным людям служит большим утешением сознание, что и те, которые умнее их, при случае поступают не лучше, чем они. Ни мистеру Фрэнклину с его удивительным заграничным воспитанием, ни мне, в моих летах, с моею опытностью и природным умом, не пришло в голову, что значило непонятное смущение Розанны Спирман. Мы перестали думать о бедняжке, прежде чем скрылся за песчаными холмами ее серый плащ. Что ж из этого, спросите вы весьма естественно. Читайте, добрый друг, терпеливо, и, может быть, вы пожалеете Розанну Спирман так же, как пожалел ее я, когда узнал всю правду.

ГЛАВА V

Когда мы остались одни, я прежде всего сделал третью попытку приподняться с песка. Мистер Фрэнклин остановил меня.

— У этого страшного места есть одно преимущество, — сказал он, — мы здесь одни. Не вставайте, Беттередж, я должен сказать вам кое-что.

Покуда он говорил, я смотрел на него и старался найти сходство с мальчиком, которого помнил, в мужчине, находившемся передо мною. Мужчина сбил меня с толку. Как я ни смотрел, я так же мало мог бы узнать румяные щечки мальчика, как и его детскую карточку. Цвет лица мистера Фрэнклина сделался бледным, а нижняя часть лица покрылась, к моему

*К нам подходил молодой человек с блестящими глазами,
в прекрасном сером костюме, с розаном в петлице
и с улыбкой на лице*

— Я прежде не замечала, чтобы вы были жестоки, батюшка, — сказала она очень кротко и ушла.

Слова моей девочки точно обдали меня холодной водой. Я взбесился на себя за то, что разволновался, когда она проговорила их, но это было именно так. Мы переменим предмет рассказа, если вы позволите. Мне жаль, что я вынужден был написать об этом, — и не без причины, как вы увидите дальше.

Настал вечер; звонок, возвещавший, что пора одеваться к обеду, раздался прежде, чем мистер Фрэнклин возвратился из Фризинголла. Я сам отнес горячую воду к нему в комнату, ожидая услышать после этого необыкновенно продолжительного отсутствия о каком-нибудь приключении. Но, к моему великому разочарованию (вероятно, и к вашему), не случилось ничего. Он не встретился с индусами ни по пути туда, ни на обратном пути. Он отдал Лунный камень в банк, сказав просто, что это камень очень дорогой, и привез расписку в кармане. Я сошел вниз, чувствуя, что после всех наших утренних тревог об алмазе конец этот слишком обыден.

Как произошло свидание мистера Фрэнклина с теткой и кузиной, не знаю.

Я дал бы многое, чтобы служить за столом в этот день. Но при моем положении в доме служить за обедом (исключая большие семейные празднества) значило бы унижить свое достоинство в глазах других слуг, — миледи и без того считала меня довольно склонным к этому; не к чему было искать еще случая для этого. Известия из «верхних областей» в тот вечер были принесены мне Пенелопой и лакеем. Пенелопа сказала, что мисс Рэчель никогда не занималась так тщательно своей прической и никогда не казалась так весела и хороша. Лакей донес, что сохранение почтительного спокойствия в присутствии высших и прислуживание мистеру Фрэнклину Блэку за обедом — две вещи самые несовместимые, какие только случалось ему встретить при исполнении своих обязанностей. Позднее вечером мы услышали, как они играли и пели дуэты. Мистер Фрэнклин брал высоко, мисс Рэчель еще выше, а миледи на фортепиано, попевая за ними, как на скачках, так сказать, через канавы

Позднее вечером мы услышали, как они играли и пели дуэты

перед нами. Она заговорила с сыщиком, словно не замечая или не обращая внимания на то, что он был ей совершенно незнаком.

— Вы сказали, — спросила она, указывая на мистера Фрэнклина, — что именно он дал вам ключ к тайне?

— Это мисс Вериндер, — шепнул я сыщику.

— Очень возможно, что именно этот джентльмен, мисс, — проговорил сыщик, внимательно изучая лицо моей барышни своими стальными серыми глазами, — дал нам в руки ключ.

Мгновенно она повернулась и сделала попытку взглянуть на мистера Фрэнклина. Я говорю «сделала попытку», потому что она тотчас же опять отвернулась, прежде, чем глаза их встретились. Она была, по-видимому, чем-то странно встревожена. Она покраснела, потом опять побледнела. Вместе с бледностью на ее лице появилось новое выражение — выражение, испугавшее меня.

— Ответив на ваш вопрос, мисс, — сказал сыщик, — я прошу у вас позволения в свою очередь задать вам вопрос. Здесь, на вашей двери, есть пятно. Известно ли вам, когда оно было сделано или кто его сделал?

Вместо того чтобы ответить ему, мисс Рэчель продолжала говорить свое, как если б сыщик ни о чем не спросил ее или она ничего не слышала.

— Вы новый полицейский офицер?

— Я сыщик Кафф, мисс, из следственной полиции.

— Как вы думаете, стоит ли вам выслушать совет молодой девушки?

— Очень буду рад выслушать его, мисс.

— Так исполняйте вашу обязанность сами и не позволяйте мистеру Фрэнклину Блэку помогать вам!

Она сказала эти слова с таким озлоблением и с такой яростью, с таким необыкновенным взрывом недоброжелательства к мистеру Фрэнклину в голосе и в выражении лица, что, хотя я знал ее с младенчества, хотя я любил и уважал ее больше всех после миледи, мне сделалось стыдно за мисс Рэчель первый раз в моей жизни.

*Дверь спальни распахнулась и мисс Рэчель
неожиданно появилась перед нами*

голландской бутылочки. Миссис Йолланд села напротив него и налила ему рюмочку. Я двинулся к выходу, очень встревоженный, и сказал, что, кажется, должен с ними проститься, а между тем все медлил и не уходил.

— Итак, она намерена оставить свое место? — спросил сыщик. — Что же она будет делать, когда его оставит? Грустно, грустно. У бедняжки ведь нет никого на свете, кроме вас и меня.

— Есть! — возразила миссис Йолланд. — Она пришла сюда, как я вам уже сказала, нынче вечером и, посидев и поговорив немножко с моей дочерью Люси и со мною, попросила позволения побыть одной наверху в комнате Люси. Это единственная комната в нашем доме, где есть чернила и перо. «Мне нужно написать письмо к одному другу, — сказала она, — а я не могу этого сделать у нас в доме, где за мною подсматривают мои товарки». К кому было это письмо, я вам сказать не могу; только, должно быть, оно было очень длинно, судя по тому, сколько времени просидела она над ним наверху. Я предложила ей почтовую марку, когда она сошла вниз. Но письма в руках у нее не было, и марки она не приняла. Бедняжка, как вам известно, немножко скрытна насчет себя и своих поступков. Но у нее есть где-то друг, уж за это я поручусь вам, и к этому-то другу, помяните мое слово, она и поедет.

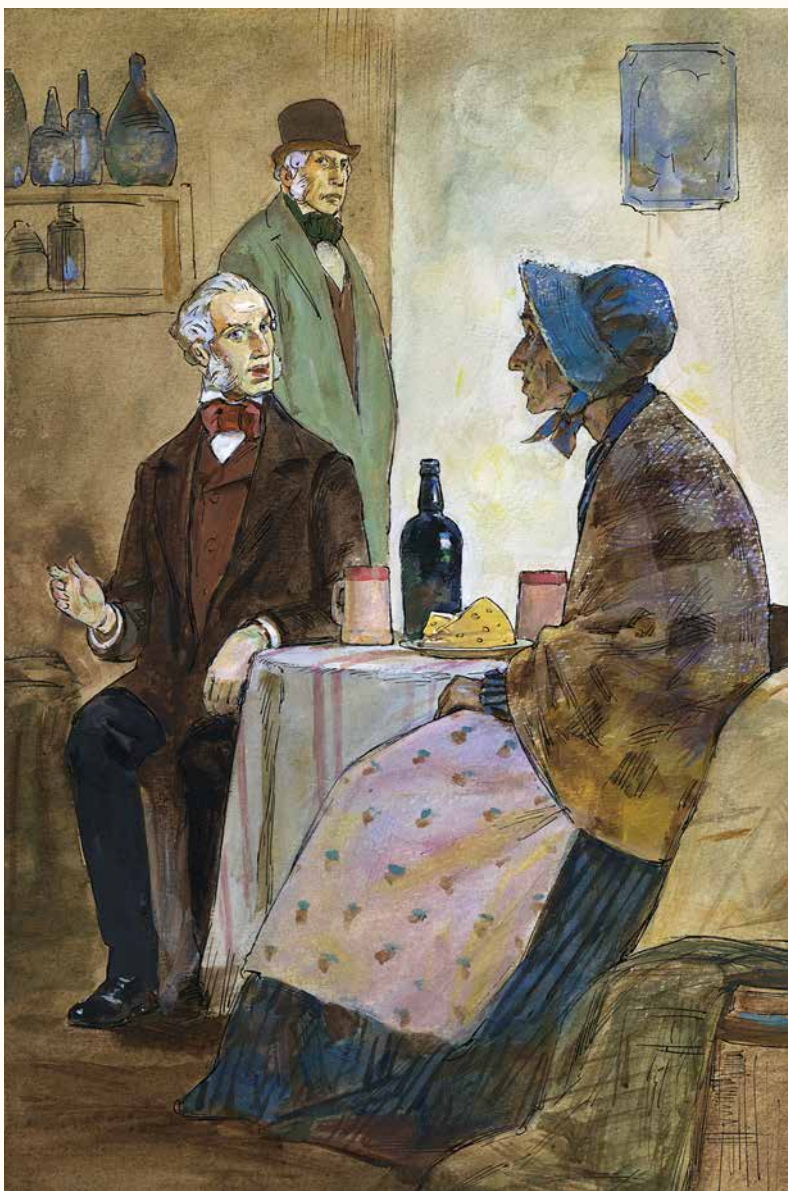
— Скоро? — спросил сыщик.

— Как только сможет, — ответила миссис Йолланд.

Тут я опять отошел от двери. Как глава прислуги миледи, я не мог допустить, чтобы в моем присутствии продолжался такой бесцеремонный разговор о том, уйдет наша служанка или не уйдет.

— Вы, должно быть, ошибаетесь насчет Розанны Спирман, — сказал я. — Если б она хотела оставить свое место, она прежде всего сообщила бы об этом мне.

— Ошибаюсь? — вскричала миссис Йолланд. — Только час назад она купила у меня самой несколько вещей для дороги,

*Почув в воздухе что-то недоброе,
я хотел было увести сыщика*

гладкими, как атлас. Ее маленькие ушки напоминали розовые раковины: с каждого свисала жемчужина. Она быстро подошла к нам, прямая, как лилия на стебле, и гибкая в каждом движении, как котенок. Я не мог подметить никакого изменения на ее хорошеньком личике. Только лишь глаза были более блестящи и свирепы, чем этого бы мне хотелось, а губы до того лишились своего цвета и улыбки, что я их просто не узнал. Она торопливо поцеловала мать в щеку, сказав: «Постарайтесь простить меня, мама», и так быстро опустила вуаль на лицо, что разорвала ее. Через минуту она сбежала со ступеней и бросилась в карету, словно хотела там спрятаться.

Сыщик Кафф проявил проворство в свою очередь. Он оттолкнул Самюэля и, держась рукою за открытую дверцу, встал перед мисс Рэчель в ту самую минуту, как она уселась на свое место.

— Что вам нужно? — спросила мисс Рэчель из-под вуали.

— Мне нужно сказать вам одно слово, мисс, прежде чем вы уедете, — ответил сыщик. — Я не смею не разрешить вам ехать к вашей тетушке, я могу только осмелиться сказать, что ваш отъезд, при настоящем положении вещей, становится препятствием для дела, — поймите это и решите сами, уедете вы или останетесь.

Мисс Рэчель даже не ответила ему.

— Поезжайте, Джемс! — крикнула она кучеру.

Не говоря больше ни слова, сыщик запер дворцу кареты. В ту минуту, как он запирает ее, мистер Фрэнклин сбежал с лестницы.

— Прощайте, Рэчель! — сказал он, протягивая ей руку.

— Поезжайте! — крикнула Рэчель громче прежнего, не обращая внимания на мистера Фрэнклина, как она не обратила внимания на сыщика Каффа.

Мистер Фрэнклин отступил назад, словно пораженный громом. Кучер, не зная, что ему делать, посмотрел на миледи, все еще неподвижно стоявшую на верхней ступени лестницы. Госпожа моя, на лице которой боролись гнев, горесть и стыд,

*Сыщик Кафф оттолкнул Самюэля и встал перед мисс Рэчель
в ту самую минуту, как она уселась на свое место*